

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

54
М-72
С Р

М. Н. МЛАДЕНЦЕВ и В. Е. ТИЩЕНКО

Дмитрий Иванович
МЕНДЕЛЕЕВ,
его жизнь и деятельность

126716

ТОМ I
ЧАСТИ 1 и 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1938 ЛЕНИНГРАД

Г Л А В А I

СЕМЬЯ МЕНДЕЛЕЕВЫХ

Отец великого химика — Иван Павлович Менделеев — родился 16 февраля 1783 г. в Вышневолоцком уезде Тверской губ., в многодетной семье сельского священника Павла Максимовича Соколова.

Сыновья П. М. Соколова обучались в Тверской духовной семинарии, где, по обычаю того времени, получили различные фамилии.

Здесь Ивану Павловичу и была дана фамилия Менделеев, повидимому, по фамилии соседнего помещика.

По окончании курса семинарии, Иван Павлович поступил в 1804 г. в Педагогический институт, открытый в том же году в Петербурге. С ним вместе поступил его друг и товарищ по семинарии Дмитрий Семенович Чижов, впоследствии сыгравший некоторую роль в судьбе Дмитрия Ивановича. При поступлении Иван Павлович выбрал филологическое отделение института, а Чижов — физико-математическое.

Осенью 1807 г. друзья, Д. С. Чижов и И. П. Менделеев, кончили курс и расстались. Чижов был командирован „в чужие края“ на 3 года „для чистой математики“,¹ а Менделеев в числе 13 студентов назначен в распоряжение попечителя Казанского учебного округа Степана Яковлевича Румовского, который перед этим просил попечителя Петербургского учебного округа прислать ему опытных педагогов из числа студентов Педагогического института. Менделеев и его сотоварищ по выпуску Горетовский были назначены в Тобольскую гимназию: Менделеев старшим учителем философии, изящных наук и политической экономии, а Горетовский — естественной истории, коммерческих наук и технологии.²

¹ Дело Педагогического института конференции № 55 об отправке студентов Педагогического института в чужие края.

² Дело № 88 Педагогического института конференции о назначении студентов в Казанский округ учителями, 1807 г. (отнош. № 229 от 31 окт. 1807 г.).

При отъезде на службу И. П. Менделеев получил аттестат такого содержания:

„Объявитель сего бывший в Санктпетербургском Педагогическом институте студент Иван Менделеев обучался в оном политической экономии, сельскому домоводству, науке о финансах, философии, правах: естественному, частному, всеобщему, гражданскому, минералогии, всеобщей грамматике, эстетике, российской и латинской словесности и при

Тобольской гимназии еще не было. В гимназию предполагено было преобразовать Тобольское главное народное училище; однако этому препятствовало отсутствие средств и подготовленных учеников.¹

12 марта 1810 г. была наконец открыта Тобольская гимназия. Иван Павлович прослужил в ней еще 8 лет учителем сперва философии, изящных искусств и политической экономии, а затем логики и русской словесности.²

Среди преподавателей гимназии И. П. Менделеев был, повидимому, наиболее подготовленным к учительской деятельности. По представлению совета Казанского университета, 7 декабря 1818 г. Министерство народного просвещения утвердило его в звании директора училищ Тамбовской губернии. Это назначение соответствовало его желанию, потому что в Тамбове в 1818 г. жили родные его жены. Еще в 1809 г. он женился на Марии Дмитриевне Корнилевой и в 1818 г. имел трех дочерей.³

Здесь, в Тамбове, на долю И. П. Менделеева пришлось много забот и тревог.

Как директор училищ губернии И. П. направил свои заботы прежде всего на приведение в порядок Главного тамбовского училища, которое было назначено к преобразованию в гимназию.

Это училище И. П. принял в совершенно неудовлетворительном состоянии.⁴

Нельзя не отметить, что при своих многочисленных и трудных директорских обязанностях И. П. умел находить время и для продолжения своих научных занятий.

В августе 1823 г. И. П. Менделеев был переведен на должность директора училищ Саратовской губ. В Саратове Менделеевы прожили всего четыре года.

изрядном поведении и прилежании оказал по сим предметам весьма хорошие успехи; в доказательство чего и дано сие свидетельство от конференции оного института.

Декабрь 27 дня 1807 года

Конференции секретарь

Статский советник и кавалер Мартынов.

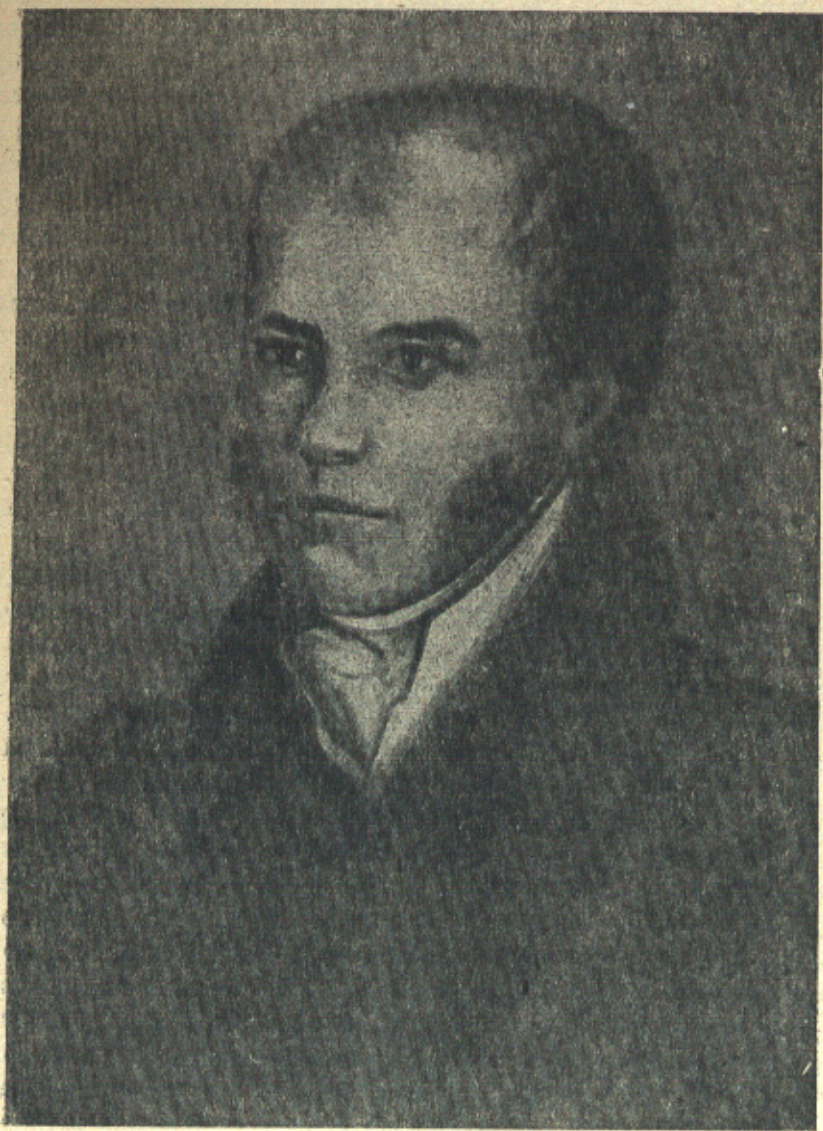
Коллежский секретарь Протопопов*.

¹ С. Н. Замахаяев и Г. А. Цветаев. Тобольская губернская гимназия. Историческая записка о состоянии Тобольской гимназии за 100 лет ее существования 1789—1889. Тобольск, 1889, стр. 46—47.

² Там же.

³ Послужной список Ивана Павловича сына Менделеева за 1823 г.; представление совета имп. Казанского университета № 1039 от 8 октября 1817 г.; донесение того же совета от 14 января 1818, № 21.

⁴ Г. И. Холодный. Историческая записка о Тамбовской гимназии 1786—1886 гг. Тамбов, 1886, стр. 51.

Иван Павлович Менделеев.

При выполнении своих директорских обязанностей И. П. Менделеев не был лишь формальным исполнителем устава или предписаний начальства. Как сознательный педагог он внимательно следил за всем, что касалось гимназической жизни, старался вникать в интересы и нужды учеников, помогать своим питомцам, заботился об их развитии и здоровье. Ради последнего он позволил себе отступление от буквы начальственных предписаний и навлек на себя немилость начальства.

Заведуя пансионом для учеников Саратовской гимназии, Иван Павлович не строго придерживался постов. В нарушение церковных канонов он допустил по средам и пятницам скоромный стол. Это было поставлено ему в вину, и всеильный попечитель, известный мракобес Магницкий, в наказание за свободомыслие, назначил Менделеева к переводу в Пензу. По настоянию Марии Дмитриевны,¹ Иван Павлович просил о переводе его директором в Тобольскую гимназию. Этому ему удалось добиться благодаря тому, что директор Тобольской гимназии желал перевестись в Россию. Они поменялись местами.

Таким образом семья Менделеевых снова оказалась в Сибири, на родине Марии Дмитриевны, а Иван Павлович с ноября 1827 г. стал директором той гимназии, в которой начал свою педагогическую деятельность. На этом месте он и кончил свою службу.

Мать Дмитрия Ивановича Менделеева Мария Дмитриевна родилась 16 января 1793 г. в семье некогда богатых, предприимчивых сибирских купцов Корнильевых. Тяжелая жизнь выпала ей на долю, начиная с раннего детства. Вскоре после ее рождения мать ее умерла, оставив на руках отца еще двух сыновей: Николая и Василия. Отец тяжело болел воспалением мозга; после болезни стал неспособен вести свои дела, разорился и принужден был переписаться из купцов в мещане. Старший брат Николай умер совсем молодым. Мария Дмитриевна выросла на руках своей няни Прасковьи Ферапонтовны, воспитавшей и ее отца и братьев. Одаренная от природы выдающимся умом, энергичная, с твердым характером, Мария Дмитриевна настойчиво стремилась к свету знания; а так как женской школы в Тобольске тогда не было и отец Марии Дмитриевны не имел средств для приглашения учителей, чтобы обучать ее дома, то Мария Дмитриевна училась самостоятельно. Она проходила все уроки, которые задавали в училище ее брату Василию Дмитриевичу, и таким образом получила такое же образование, как и ее брат. На этом она не остановилась и всю жизнь пополняла свое образование чтением книг.

В 1809 г., 16 лет, Мария Дмитриевна вышла замуж за Ивана Павловича Менделеева, в котором нашла доброго спутника и товарища в радостях и горестях своей трудовой семейной жизни.

¹ См. письмо Марии Дмитриевны Екатерине Ивановне Капустиной из Тобольска от 26 августа 1839 г. (Капустина-Губкина, Семейная хроника . . . , стр. 43).

Занятый службою, Иван Павлович, конечно, не мог уделять семье много времени, и семейные заботы лежали главным образом на Марии Дмитриевне. А забот этих было немало. Когда Менделеевы жили в Тамбове, у них было уже четверо детей: Мария (старшая), Ольга, Екатерина, Аполлилария. В Саратове родилась Елизавета (1823 г.), сын Иван (1824 г.) и младшая — Мария (1827 г.). Но здесь же их посетил (1826 г.) тяжелое семейное горе: старшая дочь, 15-летняя Машенька, талантливая девушка, с выдающимися художественными способностями,¹ скончалась от чахотки.

Мария Дмитриевна тяжело переносила это горе, долго оплакивала свою любимую Машеньку. Незадолго перед этим Мария Дмитриевна перенесла и другое горе: лишилась своей второй матери, няни и верной помощницы в семейных заботах — Прасковьи Ферапонтовны. Ее характеристику и роль в семье Менделеевых дает в своем дневнике сестра Д. И., Екатерина Ивановна Капустина.²

Когда Менделеевы переехали в Тамбов, а затем в Саратов и в Тобольск, у них на руках был еще старый полубольной отец Марии Дмитриевны — Дмитрий Васильевич.

¹ У Дмитрия Ивановича хранился ее рисунок, копия с Мадонны Рафаэля.

² 1869 года, Января 31-го, вечер. Сегодня я невольно вспоминаю давно прошедшее. В моей жизни у нас в семействе до моего замужества я видела остаток тех, теперь отживших слуг, которые достойны полного уважения. Прими же мою память и похвалу тебе, покойная няня наша, Прасковья Ферапонтовна. Как ни мала я была тогда, как ты умерла, но я хорошо тебя помню. Старушка лет в 70, высокая, худощавая, одетая всегда просто и чисто, в юбке и длинном шушуне (теперешней кофте), повязанная платком на голове, она всегда ходила и держалась прямо, с достоинством, и оставила в моем детском воспоминании что-то невольно внушающее послушание и уважение. Ей обязана и с раннего детства любовью к порядку, аккуратности и чистоте. Нас была большая семья, я была третья дочь, мне было 10 лет, две другие сестры Машенька и Оленька были старше меня, и потом еще много моложе меня. На руках няни было все наше белье, она одевала нас, она вообще была помощью матери в уходе за детьми; и сколько я сама помню, сколько потом слышала от матери, такой помощницы и няни трудно было найти лучше. Отец и мать наши были небогаты, и она служила истинно бескорыстно. Отец матери, наш дедушка, жил с нами и в Саратове, он был старичек полуздоровый, когда-то в молодости еще он имел горячку и после того потерял память, а через это был неспособен к каким-нибудь деловым занятиям. Но об дедушке когда-нибудь потом, упомянула же об нем к тому, чтобы сказать, что наша няня Прасковья Ферапонтовна молодой девушкой была взята из деревни смотреть за маленьким барченком, это был наш дедушка. С той поры она оставалась при господском доме, исправляя разные домашние должности, а когда дедушка женился и у него было трое детей, в том числе и наша мать, она водилась со всеми ними. Жена дедушки умерла молодою, скоро он лишился памяти и был слаб здоровьем. Дети росли сиротами, но и мать и дядя, старший ее брат, оба выросли и умны, и толковы. Другой дядя молодым утонул на охоте, пытаясь за убитой уткой.*

Когда мать вышла замуж, няня поступила к ней и начала водиться со всеми нами. Понятно, что эта женщина не имела своей жизни, своих интересов, с молодости отдалась она семье своих господ и с нею сроднилась, вырастала сироту, а потом ее дети были ей

* Это не Николай Дмитриевич, а Яков Васильевич Корнильев. (В. Т.)

Дмитрий Васильевич Корнильев, дед Дмитрия Ивановича.
Со старинного рисунка, переснятого А. И. Менделеевой

Мария Дмитриевна Менделеева.

Должность директора гимназии и училищ губернии была одна из самых видных в городе. Директор должен был иметь сношения со всеми властями, начиная с генерал-губернатора, губернатора, архиепископа и других видных чиновников и притом сношения не только деловые, но и личные, семейные. Менделеевым приходилось принимать у себя в доме большой круг знакомых из разных слоев городского общества, иметь несколько человек прислуги, держать своих лошадей. Все это требовало денег и при скромном жалованье педагога, даже директора гимназии, только хозяйственная опытность Марии Дмитриевны позволяла без долгов сводить концы с концами.

Поддерживая по необходимости многочисленные деловые и родственные связи, Менделеевы, принадлежа к лучшей, образованнейшей части тобольского общества, с особой охотой заводили знакомства с политическими ссыльными. В доме у них частыми гостями были декабристы Свистунов, Фонвизин, Якушкин и многие другие. Между прочим, один из них — Басаргин впоследствии женился на старшей дочери Менделеевых.

Можно себе представить, сколь благотворно для семьи Менделеевых оказались сношения с наиболее передовыми людьми того времени, которых царское правительство как своих злейших врагов массами загоняло в Сибирь, в ссылку.

Новым, свежим ветром повело в Сибири после появления здесь декабристов.

Менделеевы, которых не удовлетворяли мелочные интересы и запросы окружающей среды, особенно ценили своих новых знакомых — смелых борцов за революционные идеалы.

Такова была та обстановка, в которой впоследствии рос и воспитывался маленький Дмитрий Менделеев — будущий гениальный ученый.

как внучата. Сберегая их всех и трудясь с ними, она учила их одному добру. Мы не слышали от нее ни вздорных сказок, не видели глупой строгости, — ничего, кроме простого исполнения своего долга и любви к нам; она приучила нас к послушанию, к правде, к порядку, к труду.

«И трудясь, и работая до глубокой старости, и умерла бедная няня с ключом в руке, желая ветать, чтобы самой выдать из шкафа белье всем детям. Поднялась, встала, пошла — но упала, ключ выпал, она была без чувств...»**

** Н. Я. Капустина-Губкина. Семейная хроника..., стр. 152—155.

ГЛАВА II

РАННЕЕ ДЕТСТВО ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА

В Тобольск Менделеевы приехали с шестью детьми.

В 1832 г. у Менделеевых родился сын Павел, а в 1834 г. — последний, четырнадцатый,¹ ребенок — Дмитрий, будущий титан русской науки.

В хранящейся в архиве б. Тобольской консистории метрической градо-тобольской богоявленской церкви тетради за 1834 г. 1-й части о родившихся, под № 2, значится: „Тобольской гимназии у директора надворного советника Ивана Павловича Менделеева от законной его жены Марии Дмитриевны сын Дмитрий родился 27 — а крещен 30 генваря“.²

В год рождения Дмитрия Ивановича семью Менделеевых постигло несчастье, вызвавшее крупную перемену в их жизни. Вследствие развившейся на обоих глазах катаракты, Иван Павлович ослеп и должен был выйти в отставку с пенсией в 1000 руб. ассигнациями или 275 руб. серебром в год. Страшная забота свалилась на Марию Дмитриевну. Жить на эти деньги с такой большой семьей было невозможно, и ей пришлось изыскивать новые средства существования. Вот тут и сказалась в ней энергичная корнилевская натура. Она не пала духом, не растерялась и нашла выход: она списалась с братом, Василием Дмитриевичем, жившим в Москве, и просила у него помощи. Еще в 1828 г. она получила от него доверенность на управление маленьким стеклянным заводом, принадлежавшим Корнилевым и по праву наследования доставшимся Василию Дмитриевичу.

Теперь она решила перестроить свою жизнь: из Тобольска, где жить стало не по средствам, переселиться в Аремзянку на „фабрику“ и всецело посвятить себя управлению ею. Здесь она, чтобы поднять

¹ Всех детей у Менделеевых было четырнадцать; из них пятеро, отмеченные звездочками, умерли в младенчестве: *Виктор, Мария (старшая), Ольга, Екатерина, *Николай, *Варвара, Аполлинария, Елизавета, Иван, Мария (младшая), *Варвара, *Илья, Павел, Дмитрий.

² Взято из копии метрического свидетельства за № 4038, выданной 25 сентября 1839 г. Тобольской консисторией „вследствие прошения надворного советника Ивана Менделеева о выдаче ему метрического свидетельства о рождении сына его Дмитрия на предмет отдачи его в казенное учебное заведение для обучения“.

Копия эта хранилась у сына Дмитрия Ивановича — Ивана Дмитриевича Менделеева.

производство, взяла в свои руки ведение заводских дел, а так как на большие доходы от этого нельзя было рассчитывать, то завела большое хозяйство: пашню, огород, молочное хозяйство, домашнюю птицу, мелкий скот и пр. Это давало средства на содержание семьи, но в то же время отрывало ее от семьи, так как завод и хозяйство требовали неунынного ее внимания и забот. Живя в Тобольске, Менделеевы бывали в Аремзянке только наездом; теперь вся семья должна была приспособиться к новой деревенской жизни. Это имело много хороших сторон. Благодаря переезду в Аремзянку, раннее детство Дмитрия Ивановича прошло в здоровой трудовой деревенской обстановке, среди крестьян и заводских рабочих, что имело огромное влияние на образование характера, склонностей Дмитрия Ивановича и на всю его жизнь.

Основание завода относится к 1750 г. Построен он был на берегу реки Аремзянки, при селении того же имени, в 25 верстах от Тобольска. Когда за него взялась Мария Дмитриевна, он находился в запущенном состоянии, много лет на нем вовсе не производились работы.

У Марии Дмитриевны не было ни опыта, ни средств. Сибирские купцы не спешили оказать кредит бедствовавшей семье отставного чиновника. Мало на кого действовала принадлежность Марии Дмитриевны к семье Корнильевых — некогда именитых сибирских купцов. (В Сибири Корнильевы пользовались большой известностью. Они первые начали заводить фабрики в Тобольске; в 1789 г., одновременно с Франклиным в Америке, они завели типографию, издавали журнал „Иртыш“, печатали книги.)

Ни фабрика, ни свое хозяйство не дали Менделеевым достаточного обеспечения, а жизнь вдаль от города стала неудобной, когда старший сын их Иван достиг школьного возраста. Эти трудности и недостатки вынудили Менделеевых согласиться на предложение Василия Дмитриевича отдать ему Ванюшу на воспитание. Василий Дмитриевич с 1825 г. жил в Москве и был в то время главным управляющим делами и имениями князей Трубецких. Он имел хорошие средства, большое знакомство и принимал у себя лучшее московское общество: профессоров, писателей, художников, музыкантов и пр. В числе их у него бывал и отец Александра Сергеевича Пушкина — Сергей Львович. Приехавшего к нему племянника Ванюшу Менделеева Василий Дмитриевич определил в благородный пансион при Московском университете и платил за него по 1000 руб. ассигнациями в год. Будущее Ванюши, казалось, было обеспечено: Менделеевы могли быть спокойны.

В ближайшие годы семья Менделеевых еще уменьшилась, потому что дочери Ольга и Екатерина вышли замуж. Расходы несколько уменьшились, но разлука с „благоразумной“ Катенькой, которая была другом, советчицей и надежной помощницей матери в домашних делах,

ИРТЫШЬ,
ПРЕВРАЩАЮЩІЯСЯ ВЪ И-
ПОКРЕНУ,
ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ СОЧИНЕНІЕ,

Издаваемое
отъ
Тобольскаго Главнаго народнаго учи-
лища.

МЪСЯЦЪ МАРТЪ

1790 года.

Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги науки,
И счастье дома находить.

Она къ Фелицѣ напечат. въ I част. соб. лю.
рос. сл.

ВЪ ТОБОЛЬСКѢ

Въ Типографіи Василья Корнильева.

особенно в наблюдении за младшими сестрами и братьями, была очень тяжела для Марии Дмитриевны.

Мать и дочь аккуратно переписывались друг с другом, и их письма рисуют полную картину жизни Менделеевых за конец 30-х и 40-е годы прошлого столетия.¹ Здесь Мария Дмитриевна пишет о всех своих радостях и горестях как в семейных, так и в заводских делах. Но горести так преобладали над радостями, что надо удивляться стойкости духа, с которой Мария Дмитриевна все переносила.

Фабрика, большое сельское хозяйство, домашнее хозяйство и особенно заботы о семье, о младших сыновьях,—все это требовало неунынного внимания, хозяйственного глаза, предусмотрительности, строгой экономии. Мария Дмитриевна не имела ни минуты покоя и, по справедливому выражению ее внучки Надежды Яковлевны Капустиной-Губкиной, билась как рыба об лед.

Отправив сына на воспитание к своему брату, Мария Дмитриевна и Иван Павлович были спокойны за его будущее, но неожиданно их поразила тяжелый удар. Весною 1839 г., когда Ванюше было 15 лет, он был исключен из университетского пансиона „за дурное поведение“. В чем заключалась его вина, из писем не видно, но можно догадываться, что, живя в благородном пансионе на средства богатого дяди, который его любил и баловал, Ванюша попал в дурную компанию и участвовал в кутежах. В письме к Капустиным от 30 июня 1839 г. Мария Дмитриевна говорит:

„Братец описывает, что по секретному исследованию директора открыто, что надзиратель вовлекал в сие и, чтобы сохранить репутацию заведения, положено все предать забвению, т. е. так понимаю я, чтобы не обличить надзирателя, которого воспитанники подкупали подарками, и решено назвать развратным сына бедняка. Жертва принесена, должно покоряться судьбе и благодарить за все, даже за гибель сына, брошенного нами в 11-летнем возрасте. Пусть пример наш будет уроком для других отцов и матерей, кои не пекутся о нравственном воспитании своих детей. Я наказана и благодарю за сие бога...“

„Бедность никогда не унижала и не унизила меня, но краснеть за детей моих есть такое несчастье, которое может убить меня и преждевременно приблизить к дверям гроба...“ „Ванечка, как старший сын, был опорой надежд моих. А теперь, пока участь Ванечки не будет устроена, до того времени спокойствие ко мне не возвратится...“²

„Братец утешает нас тем, что Ванечка, поступив в Межевой институт, через три года делается офицером и получит место с хорошим жалованьем, но я решительно, как мать, не могу на это согла-

¹ Н. Я. Капустина-Губкина. Семейная хроника в письмах матери, отца, брата, сестер, дяди Д. И. Менделеева. СПб., 1908 г. Воспоминания о Д. И. Менделееве.

² Там же, стр. 15, 23, 24.

ситься... Теперь глаза мои открыты, его порочные склонности и укоренятся в сем институте и сын мой, в 18 лет сделавшись свободным, снова предастся тем порокам, которые не будут исторгнуты испытаниями. Пусть он пробудет еще три года в гимназии и четыре в университете, ему будет 23 года и страсти будут подавлены или он погибнет, не вступая в свет. Я ничего так не желаю, как того, чтобы сын наш возвратился к нам... Если его раскаяние истинно, то и его успехи в науке пойдут иначе... И возрождение Вани должно быть примером для младших его братьев...¹

Сибирская кошовка.

Иван Павлович был также очень огорчен судьбою старшего сына, но отнесся к этому удару спокойнее. 16 июня 1839 г. он пишет Капустинным: „Меня теперь крайне беспокоит жалкое состояние бедного моего Ванюши; не знаю, как его вызвать или достать из Москвы сюда. Пусть он учится под надзором родительским, а нам не хочется, чтобы он служил до времени по межевой части, где служащие, находясь всегда или большею частью на открытом воздухе, нередко согреваются искусственно; Межемерная часть, как говорят в Тамбове, пьяная часть, след. боязно... Я всегда боялся за детей 15—25 или 22 лет и моя боязнь к несчастью моему сбывается и на самом деле на моем сыне. Впрочем я не совсем отчаиваюсь в своем Ванюше: он, правда, пакостлив, как кошка, а труслив, как заяц, и плаксив, след. предполагать надобно, что сердце его еще не окаменело и не огрубело совершенно в пороках... Из писем видно, что мой Ванюша оплакивает свое прежнее плохое

¹ Там же, стр. 21—22.

поведение и обещается быть вперед осторожнее. Это теперь мне только на утешение. Поплакано уже довольно“.

По настоянию Марии Дмитриевны, в августе 1839 г. Василий Дмитриевич прислал Ванечку в Тобольск к родителям. Он был принят на казенное содержание в гимназию, старательно учился и в 1843 г., как пишет Мария Дмитриевна, „благодарение богу, кончил курс с похвалою“. После этого он поступил на службу в Омске, жил у Капустинных и очень заботливо относился к родителям, братьям и сестрам, находился с ними в переписке и из своего заработка время от времени посылал подарки.

История с Ванечкой была причиною того, что Мария Дмитриевна, терзаемая мыслью, что из-за фабрики пренебрегает воспитанием детей, окончательно решила оставить фабрику и посвятить себя семье, хотя бы для этого пришлось совершенно переменить образ жизни, сократить все хозяйство, работать самой и за кухарку. Мария Дмитриевна думала, что брат войдет в ее положение, что теми деньгами, которые тратил на содержание Ванечки в благородном пансионе, поможет ей поднять остальных детей, что он придет и устроит дела на фабрике. Но этого не случилось. Ее решение взять Ванечку и оставить фабрику не понравилось брату, который боялся и за судьбу Ванечки и за свою фабрику. Отношения между братом и сестрой несколько обострились, и переписка на некоторое время прекратилась.

„Я давно, давно уже твердила моему благодетелю братцу, что платить тысячу рублей за нашего сына из любви к нам нет нужды, потому что его легко было бы и прежде поместить на казенное содержание. Теперь всем буду рассказывать, что умоляю братца и сестрицу, чтобы они отпустили Ванечку, который, вступая в лета пылких страстей, будет под бдительным надзором и, избавивши братца от расходов по его образованию, доставит тем пособие родителям, сестрам и братьям“.¹

„Я занимаюсь расчетами с фабричными и, к горести моей, почти и здесь не имею времени воспитывать моих детей. О фабрика, сколько пожертвований принесла я, управляя ею“.²

„Увлеченная желанием поддерживать честолюбивые виды своего звания и вступивши в бедственное для семейного моего блага управление именем, я забывала, что окружена детьми, которых будущность будет наградой попечений родителей. Забыла, что я мать семейства, и горечь настоящего через десять лет сняла повязку с глаз моих. Фабрика меня не обеспечила от нужд, я и дети мои все остаются без пристанища, без приюта и я потеряла с сим управлением утешение и опору моей старости. Я потеряла благо, которым гордилась до сего времени, я продала нравственность старшего моего сына за временное лучшее

¹ Н. Я. Капустина-Губкина. Семейная хроника... стр. 12.

² Там же, стр. 23, 16 VI 1839.

существование моей семьи. Я потеряла здоровье, спокойствие... Благодетель и брат мой, привыкши думать, что фабрика доставляет мне блаженство, и считая, что легко найти и здесь управителя, который бы извлекал доходы, подобно мне, пишет мне только о том, чтобы нашла управителя и утешает меня возрождением погибшего (Ванечки). Между тем дела фабрики теперь требуют решительных мер, убытки за убытками следуют теперь. Я уже не возвращусь туда и не брошу младших моих детей и, хотя стараюсь поддерживать самостоятельность фабрики, но если братец сам не приедет сюда, то с горестью должна буду формально отказаться от доверенности, мне данной. Вообразите, что в последние два действия у меня в гончарной уничтожили 50 стекловарных горшков и теперь Иван Павлович сам едет в Коктюль и Екатеринбург, чтобы достать хорошей глины и положить конец плутовству Зарембы. Все вольные мастера хотели уехать на другие фабрики, но я их остановила до сентября и каждому из них положила сверх заработной платы по 15 руб. в месяц на содержание. Мне жаль, жаль трудов моих по фабрике и я люблю ее, но вижу, что, работая день и ночь для блага оной, я променяла за славу фабрики славу и доброе имя детей и что бы с нами ни случилось, решительно откажусь от оной. Может быть мы должны будем уехать из Тобольска, если Ивану Павловичу не дадут здесь никакого места. С тысячью рублями пенсии нам существовать нельзя, и я забочусь теперь о том, чтобы уничтожить хозяйство и отказать рабочим, для сего нанимаемым. Коровы, лошади, овцы, свиньи, козы, гуси, утки, индейки, куры, которых завела, живши в деревне, теперь мне в тягость, и к осени должна распродать все, есть-ли братец не приедет сам. А теперь только уведомления: пропала свинья, издохла петель и тому подобное. Свой глаз алмаз во всяком деле, и я, живучи на фабрике, с утра до вечера посвящала мое время фабрике и заведениям, и оттого дети мои были сиротами без матери.—Завеса спала с глаз. Я проснулась для того, чтобы бодрствовать над охранением ума и сердца детей моих. Есть-ли братец оставит меня, есть-ли он благодетельствовал мне только для фабрики, то я слишком буду злополучна, но верую, что есть бог на небеси, и утешаюсь надеждой, что брат войдет в мое положение и страдания матери будут доступны его сердцу. Прилагаю последнее письмо братца, из коего вы увидите, что братец предупреждает меня в том, что я могу только надеяться на доходы с фабрики, а я в последнее пятилетие, перенося все огорчения из-за фабрики, только силою моего характера могла стоять выше обстоятельств. Силы мои истощились, я начала проситься в отставку с начала прошлого года и на все письма, на все жалобы получила в ответ, чтоб только трудилась в поте лица. Целый год я боролась с моими обстоятельствами. Участь Катеньки сделала сильный переворот в образе жизни моей. Без нее я уже не могла бы найти прежнего счастья в моем уединении. Она заступила место матери при сестрах и

братьях. Ее благоразумие, ее опытность, ее образование путеводили сестер, которые еще не знают света, не знают людей. Ее не стало в семье нашей и я решилась в душе моей со дня ее помолвки расстаться с Аремзянкою и посвятить себя детям, не страшась ужасов бедности. Благодаря бога, я не имею и не сделала долгов со времени отставки Ивана Павловича, и могу во всем себя ограничить. Есть-ли Иван Павлович получил бы какую-либо должность, хотя с тысячью еще рублями жалованья, то мы бы стали жить с помощью пенсии в тихом уединении, безмятежно. И потому решаюсь даже оставить Тобольск, есть-ли будет нужно, и ехать за Урал, где для сыновей будем иметь средства к образованию. Дождавшись ответа братца о судьбе Ванюши, мой Иван Павлович посылает просьбу к министру, а я буду писать ко всем и всюду, где только могу надеяться, что чувства матери, заботящейся о детях, будут поняты".¹

25/VI 1839 г.

„Братец пишет, что в августе отправит к нам сына. Сегодня я благодарю его за все попечения о спасении злополучного Вани и прошу решить будущую судьбу моего семейства. Он, как видно, очень недоволен, что я оставляю фабрику, и полагает, что я иду в городе праздности и рассеяния. Пишет, что человек сотворен для труда и что он сам в поте лица снискивает хлеб свой. Одним словом я виновна в том, что, хотя и люблю фабрику, но маленьких детей моих и их будущее люблю более. Тяжко мне было читать последнее письмо, но привыкнув к перенесению бедствий, я сегодня в письме моем старалась только доказать моему братцу, что навсегда останусь ему благодарна. И невольно в письме моем рассуждала, неужели дочери мои, вышедшие замуж, проводят жизнь бездейственную, управляя домом и семейством, неужели все жены, которых мужья обеспечивают в содержании, и которые занимаются воспитанием детей и управлением дома, проводят жизнь в праздности и неисполнении обязанностей своих. — Невольно представила себе, что я, покоряясь моим обстоятельствам, мужественно и твердо, в течение последних пяти лет владела пером моим и доставала им насущный хлеб для семьи моей, но желая теперь оставить фабрику, не осталась и не останусь праздною, пока дышу. День мой и теперь проходит в трудах, мне некогда выезжать в гости, некогда просиживать за картами, некогда заниматься нарядами, но я проснулась от усыпления и любовь к сыновьям-младенцам делает меня их наставницею, их надзирательницею, и я возвратилась к обязан-

¹ Еще в 1837 г. Иван Павлович с Катенькой и старым слугою Петром Григорьевичем ездил в Москву на операцию снятия катаракты. Операция была сделана доктором Боссе удачно, зрение восстановилось, но все старания Ивана Павловича получить какое-либо место были напрасны. Это его очень угнетало. Он мог помогать семье только случайными заработками, вроде переписки, корректуры, да старался, чем мог, помочь Марии Дмитриевне в хозяйственных делах.

ностям матери семейства, которыми пренебрегала, гоняясь за устройством имения, покойна теперь в совети моей, и умру спокойно, есть-ли исполню в отношении Паши и Мити долг и обязанность матери. Слепая любовь моего Ивана Павловича к Ване и неопытность Катеньки¹ скрыли от меня гнусность его пороков, но любовь моя ко всем детям основана на строгих правилах чести и добродетели, и я давно уже бросила бы фабрику и поспешила спасти моего сына, есть-ли бы от меня не скрывали его поступков. Прошедшего не возвратишь, будущее зависит от моей решимости, а я решилась уже твердо быть матерью сыновей моих и для них посвятить остаток дней моих. С возвращением Ивана Павловича из Екатеринбурга мы будем посылать просьбу к министру и просить дать место в какой-бы то ни было гимназии и поедем, куда угодно будет богу. Вот план наш, а поэтому добрейшего и почтнейшего Якова Семеновича прошу остановиться совершением купчей на дом. Есть-ли нам должно будет ехать, дом купят за ту сумму, за которую и я купила, а потому я и не почитаю на себе сего долга. Есть-ли мы останемся здесь, есть-ли Ивану Павловичу дадут какую-либо должность по гражданской службе, которая бы могла обеспечить наше существование, я еще вступлю в звание воспитательницы и буду просить губернатора об устройстве заведения для воспитания девиц и в оном найду для себя должность и насущный хлеб. Все это решится к сентябрю и до того времени пусть дом остается вашим. Я не оставляю фабрики и братец просит найти прикащика, который бы был под моим распоряжением. Вижу, что он и жалеет меня, и дорожит своею фабрикою, вижу, что он любит меня и требует в то же время от меня деятельности мушпы, зная, что меня достанет обнять все предметы, и я с любовью пишу к моему брату, и прошу мою милую благоразумную Катеньку писать к дядиньке и тетиньке о том только, чтобы они вошли в положение матери, страдающей о судьбе детей“.

30/VI 1839 г.

„Есть-ли бы мы остались здесь, есть-ли бы Ивану Павловичу дали какое-либо место, приносящее хотя еще тысячи полторы жалованья, то мы, не трогаясь с места, стали бы жить сообразно с своими доходами, но остаться с одною тысячею пенсии невозможно при нашем семействе. Сентябрь я проживу еще так, как живем теперь, а там распушу всех служащих мне, и останусь с парюю лошадей, коровою, одним кучером и кухаркою. Есть-ли Поля уедет к вам, а Лиза к Оленьке, то мы можем на зиму перейти в сарайные,² а в большой дом пустим постояльцев и наши расходы уменьшатся, и я всю себя

¹ Из писем Василия Дмитриевича Иван Павлович и Катенька знали о поведении Вани, но, надеясь на его исправление, не решались сообщить Марии Дмитриевне чтобы ее не расстроить.

² Так назывался флигель во дворе.

посвящу образованию младших детей, имея для сего от бога данную мне способность.—Милая моя Катинька, я уверена, что ты, зная мой характер, не будешь думать, что я уже несчастлива. Нет, друг мой, пока я не лишена любви детей моих, пока имею силы пещись о их благополучии, я не могу называть себя несчастною и умею довольствоваться малым. Будь покойна и храни себя в твоём положении. Поля, Лиза покойно и радостно разделяют труды мои и теперь утешают меня. Теперь я счастливее, чем была на фабрике. Я в кругу моего семейства, я мать детей моих, а не работница".¹

Несмотря на всю трудность положения, Мария Дмитриевна не могла совсем бросить фабрику. Она сроднилась с ней с детства, любила ее, гордилась тем, что фабрика 100 лет была у ее предков. Переехав с семьей в Тобольск для воспитания детей, она поставила на фабрике управителя, но сохранила за собою главное руководство делами и время от времени посещала фабрику.

Однако без неусыпного хозяйского глаза Марии Дмитриевны, под наблюдением приказчиков, дела на фабрике пошли все хуже и хуже. Хотя работала фабрика безостановочно, но сбыт изделий шел очень туго.

В ночь на 27 июня 1848 г. фабрика во время работы сгорела вместе с амбарами, в которых хранились материалы и готовая посуда. Вскоре после этого пожара в Тобольске открылась сильная холера, и начались волнения. Не оправившись еще после смерти Ивана Павловича и Полиньки, Мария Дмитриевна не имела сил, чтобы сразу после пожара приступить к возобновлению фабрики.

В декабре того же 1848 г. новый пожар истребил конторские строения. В. Д. Корнильев не счел нужным восстанавливать фабрику, и Мария Дмитриевна навсегда освободилась от заводских дел, которые ее так тяготили.

В домашней жизни Менделеевых руководящая роль также принадлежала Марии Дмитриевне. Добрый, но, повидимому, слабохарактерный, к тому же больной и удрученный своей невольной безработицей, Иван Павлович не мог вести свою обширную семью. Эту заботу также взяла на себя Мария Дмитриевна и крепкой, опытной рукой держала бразды правления.

В доме у Менделеевых был образцовый порядок и твердо установленный жизненный уклад. Всякая вещь должна была быть на своем месте, всякий член семьи, всякий служащий знал свои обязанности. В отношениях к прислуге, так же как к крестьянам и рабочим, у Менделеевых не было никакого высокомерия или барства. Все члены семьи должны были трудиться, а в свободное время также заниматься каким-

¹ Н. Я. Капустина-Губкина. Семейная хроника стр. 39.

нибудь разумным делом: чтением, женскими рукоделиями, клеением разных вещей и пр.

Сестра Дмитрия Ивановича, Мария Ивановна Попова, которая пережила всех членов менделеевской семьи, рассказывала, что в 12 лет она уже сама „выработала себе платье“, а как видно из семейных писем, Полинька и Лизанька в особо трудное для семьи Менделеевых время зарабатывали деньги шитьем платьев заказчицам на-сторону.

Детей, особенно дочерей, Мария Дмитриевна вела в строгости. По рассказам Марии Ивановны, если кто-нибудь из них начинал шалить за столом, то стоило Марии Дмитриевне строго взглянуть на виновного и сказать „гм“, как наступала тишина.

В то время в Тобольске не было женской школы, и мы не имеем сведений, как и где учились дочери Менделеевых: вероятно, дома, под руководством отца и матери. Судя по их письмам и по дневнику Екатерины Ивановны, они были хорошо подготовлены, писали правильно, литературно и, подобно матери, любили читать. А в письмах Марии Дмитриевны встречаем такие выражения:

„Книги — лучшие друзья моей жизни“. „Читайте более и дар слова на бумаге доставит вам впоследствии приятность говорить заочно со всею свободой и непринужденностью“ (28 июня 1839 г.). „Ныне мне очень тяжело писать: всегда, окончивши письма, я почти уже ничего не вижу: делаются в глазах красные круги и решительно читать книгу уже не могу, как прежде“ (11 августа 1839).

„...Всю радость и утешение нахожу в чтении. Тысячу раз благодарю за очки, вами присланные; с ними я как бы ожила для беседы с безмолвными моими друзьями“ (31 декабря 1842 г.).

Из писем видно, что Мария Дмитриевна следила за текущей литературой и что у Менделеевых была большая библиотека, которой они очень дорожили.

„...Напрасно, милая Катенька, думаешь ты, — писала Мария Дмитриевна 25 декабря 1847 г., — чтобы я стала продавать фундаментальную библиотеку, а послать вам каталог считала нужным для того, чтобы вы, как дети, знали в чем состоит мое богатство...“

Мальчишки Паша и Митя как младшие в семье пользовались большею свободой и особыми заботами матери, хотя и им потачки не было.

В 1842 г. старшая дочь Менделеевых — Ольга Ивановна Медведева — овдовела, и дела ее мужа оказались в очень расстроеном состоянии. Она оставалась вдовой пять лет; в это время жила то у родителей в Тобольске, то у сестры в Омске, то по своим делам в Ялуторовске. В 1847 г. она вторично вышла замуж за декабриста Николая Васильевича Басаргина, жившего в Омске, и после свадьбы уехала с ним в Ялуторовск. В 1845 г. вышла замуж за учителя гимназии Михаила

Лонгиновича Попова Машенька. Молодые поселились во флигеле родительского дома.

Счастье замужних дочерей и появление на свет внучат радовало Марию Дмитриевну и Ивана Павловича.

Подрастали и начали учиться младшие сыновья — Паша и Митя.

Менделеевы жили тихо, уединенно, сократив свое хозяйство, отпустив лишнюю прислугу, чтобы как-нибудь сводить концы с концами. Дети их, Полинька, Лизанька, а до замужества и Машенька, брали иногда шитье платьев за деньги. Старшие — Оленька, Ванечка, особенно Катенька (Капустина) старались помогать родителям, сестрам и братьям, чем могли. Сама Мария Дмитриевна продолжала трудиться для семьи, сколько хватало сил.

3 марта 1847 г. она пишет Катеньке из Тобольска: „Богу угодно, чтобы я под старость, вместо ожидаемого¹ мною покоя, трудами снискивала хлеб мой: и потому простите, что не могу писать часто, как бы желала сего. Я прикащица фабричная и в то же время повариха на всю нашу семью. Мой день начинается с шести часов утра приготовлением теста для булок и пирогов, потом приготовлением кушанья с помощью Парасковии и Афимьи, и в то же время личными распоряжениями по делам, причем перехожу то к кухонному столу, то к письменному, а в дни расчетов по ярлыкам, прямо от стряпни к расчетам. Следовательно нет ничего мудреного, и вы конечно извините меня, что я пропускаю почтовые дни. Слезы мои часто капают на журналы, посудные и статейные книги, но их никто не видит. Я всею силою воли моей покоряюсь судьбе и утешаюсь тем, что привыкнув к черным кухонным работам, могу без горя оставить Тобольск, когда надо будет везти отсюда учиться в университет Пашу и Митю; я не заставляю на старости лет мужа моего нанимать для себя прислуги, а сварю ему щи и испеку хлеб. За всем тем и в самой старости моей самолюбие еще так велико, что мне кажется тяжело вести жизнь или существовать для одних забот о чреве, и не иметь свободной минуты для души, ума и сердца...

„Находясь три года в школе терпения, я приучаю неукротимую волю мою к терпению, и пока на ногах, пока владею руками, стараюсь весело нести мое бремя... Мой Иван Павлович тоже трудится, сколько позволяют его силы, и я благодарю за это бога“.²

„Казалось тяжело звание кухарки, а оно сделалось для меня забавою, развлечением и утешением, потому что я все устроила под руками и каждая вещь на своем месте, и притом все это на глазах, подле моей комнаты и письменного моего стола. Взяты все предосторожности, чтобы не было никакого запаха в комнатах, и дела мои

¹ Н. Я. Капустина-Губкина. Семейная хроника..., стр. 81.

² Там же.

кухонные идут пока лучшим образом, а Кононыч¹ стоил мне 200 руб. асс. в год содержанием.

Следственно бог мне помогает и в старости есть трудовой свой хлеб и, по возможности, быть полезною моему семейству* (8 апреля 1847).²

Екатерина Ивановна Каустина
(урожденная Менделеева).

Но горе опять надвигалось. Начал хворать и слабость Иван Павлович. 13 октября 1847 г. Иван Павлович скончался.

Не успели Менделеевы оправиться после смерти отца, как пришлось переживать еще новое, еще худшее горе. Через три месяца после смерти Ивана Павловича скончалась Полинька.

Много горя принесла она матери. Высокая ростом, светлорусая, красивая, она отличалась сильным характером, выдающимся умом и

¹ Кононыч—повар.

² Н. Я. Каустина-Губина. Семейная хроника... стр. 84.

способностями, но по условиям того времени и жизни Менделеевых ее ум и способности не нашли должного применения. Почему-то она не вышла замуж. Лишенная семейных радостей, она стала до фанатичности религиозна и стремилась уйти в монастырь. Это крайне удручало Марию Дмитриевну.

Уступая просьбам матери, Полинька не пошла в монастырь, осталась дома. Но она вступила в какое-то тайное религиозное общество и стала слушаться только своей руководительницы, Екатерины Федоровны Непряхиной.¹

Попав в руки изуверов, Полинька не берегла своего здоровья, бесцельно изнуряла себя. Своим примером она увлекала Лизаньку, которая также осталась девицей. Это еще более тревожило Марию Дмитриевну.

5 августа 1847 г. она пишет:

„Полинька тает как воск и быстро приближается к невозвратной потере здоровья, и над нею изныло сердце матери. Да судит бог тех, кои вовлекли ее в сети заблуждения и фанатизма. — С радостью я согласилась бы принять на себя все ее болезни, но жалкое предубеждение отталкивает ее от матери, и она считает даже спасением для себя противодействовать не только воле, но и самым ничтожным желаниям моим“.²

13 января 1848 г., т. е. ровно через три месяца после смерти Ивана Павловича, Полинька умерла.

Полинька умерла 26 лет.

После ее похорон начала хворать Лизанька, измученная горем и бессонными ночами ухода за больными. И Мария Дмитриевна писала: „Сердце мое растерзано, а я даже не смею плакать и всего страшусь за Лизаньку, у которой бессонница и потеря аппетита...“.

Как ни тяжело было Марии Дмитриевне, но она не падала духом. Обвиняя себя в том, что „Поля, Лиза, Маша были брошены ею без воспитания“, что „Ваню удалила от себя на погибель“, Мария Дмитриевна все свое внимание, всю материнскую любовь старается положить на воспитание младших сыновей Паши и Мити.

Самый младший из них, последний Митенька, добродушный, живой, любознательный мальчик, был любимцем не только своей семьи, но и всех окружающих. В 1838 г., когда ему было четыре года, он сильно болел натуральной оспой; три дня ничего не видел и был при смерти. После этой болезни Мария Дмитриевна особенно сильно беспокоилась за своего Митеньку, которого, по собственному ее признанию, „любила паче всех“.

¹ Екатерина Федоровна Непряхина была красавица, имела замечательный голос. По своим религиозным убеждениям она не пошла замуж.

² Н. Я. Кауэтина-Губкина. Семейная хроника... стр. 88.

Как ни бывала она занята заводскими и домашними хозяйственными делами, она всегда старалась держать Митеньку у себя на глазах, а если это было невозможно, оставляла его на попечении няни или дочерей, особенно младшей — Машеньки. Стоило Машеньке как-нибудь не досмотреть, и резвый братишка исчезал. Мария Дмитриевна была сама не своя, требовала, чтобы его тотчас разыскали. И часто находили его среди слуг или рабочих, которым он что-нибудь весело рассказывал или сам слушал их рассказы.

Глядя на портрет Дмитрия Ивановича уже после его смерти и вспоминая далекие детские годы, Мария Ивановна с укоризной говорила: „Митенька, Митенька, сколько мне досталось за тебя“.

Свою няню Д. И. любил и уже в старости тепло вспоминает о ней.¹

„В доме нашем, когда я рос и уже учился в Тобольской гимназии, оставалась жить старушка, моя няня, историю которой когда-нибудь стоит рассказать, потому что она была сослана в Тобольск «на поселение» своим тульским помещиком за то только, что ее сын сбежал от рекрутчины.² Славная была старуха и добрая, но ворчать любила. И, бывало, когда что сделано не по ней, неладно, она крепко журила и при этом всегда, когда хотела сказать наибольший попрек, обзывала «латынцем». Не люб народу русскому латынец, это у него чуть не бранное слово и поныне живет. Вот няню я любил, а латынь нет...“

Своим детям Дмитрий Иванович любил рассказывать также о том, как в детстве слушал рассказы ветерана-солдата,³ ходившего в походы с Суворовым; как Суворов говорил, что „у солдата всегда должно быть шильце, да мыльце“, как не любил Суворов тех, которые ему отвечали „не могу знать“, и звал их немогузнайками. Вероятно, эти рассказы и заронили в впечатлительную душу мальчика Дмитрия Ивановича начало того уважения, с каким он впоследствии отнесся к памяти Суворова; портрет Суворова висел у Дмитрия Ивановича в кабинете в числе портретов тех мировых деятелей, которых особенно чтит Дмитрий Иванович.

Раннее детство Дмитрия Ивановича прошло в деревне, на деревенском просторе и приволье. Здесь он сроднился с природой, с заводом, в котором пасмотрелся чудес стекольного производства, с рабочими, с крестьянами и на всю жизнь сохранил к ним любовь и уважение.

¹ Д. Менделеев. Заметки о народном просвещении в России, стр. 59.

² Он был сдан неправильно и когда сбежал мать его у себя приютила, за что и была сослана. Потом она была помилована, могла вернуться на родину, но не пожелала и осталась жить у Менделеевых.

³ По мнению Ивана Дмитриевича Менделеева, это был тот портной Я. В. Вакарин, который жил в Тобольске на одной улице с Менделеевыми и которого вспоминает Дмитрий Иванович в своей книге „Уральская железная промышленность в 1899 г.“.

В ночь на новый 1862 г., которую Дмитрий Иванович провел на заводе Катели, около Соминской пристани Боровичского уезда, он писал в своей записной книжке под 1 января:

„Я вышел на улицу или вернее к реке. Полная луна, снежная дорога, кругом лес, тишь, холод. Все это хорошо действует на меня, мне полегче стало, а то было тяжело одному. Видишь этот народ простой и милый, глядящий прямо в глаза, и веришь в его судьбу и чудится далекое впереди с возвратом свободы, с вольной песней, с удалением многой привитой лжи... Хочется стать к народу поближе — это нынче модная фраза, но я ведь не модник. Нет, мне прямо вольно с ним, с этим народом-то, я и говорю-то как-то свободнее, и меня по-нимают тут и ребенок, мне весело с ним, к ним душа лежит“.

Уже будучи управляющим Главной палаты мер и весов, Дмитрий Иванович любил прогулки на имперiale¹ конки, которая ходила в Петербурге от Сенной площади по б. Забалканскому, нынешнему Международному проспекту. Он садился около Главной палаты и, не слезая, совершал путь в оба конца. Во время поездки прислушивался к разговору рабочих и потом говорил: „люблю умные речи послушать“.

Интересный разговор приводит в своих воспоминаниях о Дмитрие Ивановиче его племянница Надежда Яковлевна Капустина-Губкина.

„В 1872 г. я кончила курс в гимназии и пришла сказать об этом Дмитрию Ивановичу.“

Он поздравил меня и стал спрашивать, что я намерена делать после гимназии.

— Я хочу рисовать,—сказала я неуверенно.—И хотела бы учиться дальше. Я ничего не знаю.

— Вот видишь, то рисовать хочешь, то учиться,—сказал он протяжно и быстро прибавил:—Чему учиться?

— Я люблю... науки. Я бы все хотела знать.

Дмитрий Иванович рассмеялся.

— Все хотела знать... Науки любит... Разобраться тебе надо в себе, матушка, что ты любишь и чего хочешь. Всему учиться сразу нельзя. Надо что-нибудь одно делать. Разобраться надо.

Это «разобраться» я помню до сих пор. И хорошо бы, если бы в юности всякий получал этот совет разобраться в себе и следовал ему.

— Я бы хотела быть развитой, дяденька.

Дмитрий Иванович усмехнулся.

— Развитой. Беды... Да, вот столяр развитой.*

Лицо мое выразило величайшее недоумение.

— Столяр? Развитой?

¹ Места на крыше.

² Воспоминания о Д. И. Менделееве, стр. 174.

³ В это время университетский столяр Рудянский работал в квартире у Д. И.

— Да, матушка, столяр развитой человек, потому что он знает вполне свое дело, до корня. Он и во всяком другом деле, поэтому, поймет суть и будет знать, что надо делать.

А я думала тогда, что развитой человек тот, кто Милля и Спенсера понимает.

Дмитрий Иванович точно читал в душе у меня.

— Он, матушка, и Милля поймет лучше, чем ты, если захочет, потому что у него есть основа... Ну, ступай... мне некогда... С богом...“

Вспоминая свои детские годы, Дмитрий Иванович говорил, что мать воспитывала его примером и любовью. Она его не наказывала, но когда он огорчал ее какими-нибудь шалостями или непослушанием, только плакала, и это было для него самым тяжким наказанием.

Ради своих малышей Мария Дмитриевна решила оставить управление фабрикой, переехать на житье из Аремзянки в Тобольск и перестроить свою жизнь. По этому поводу она пишет:

„Я уже умерла для деятельности и буду жить для младших детей, куда я им нужна...“¹

„Я проснулась от усыпления и любовь к сыновьям-младенцам делает меня их наставницею и надзирательницею, и я возвратилась к обязанностям матери семейства, которыми пренебрегла, гоняясь за устройством имения. Покойна теперь в совести моей и умру спокойно, если исполню в отношении Паша и Мити долги и обязанности матери...“ (30 июня 1839 г.).¹

„Если бы не младшие сыновья мои, Паша и Митя, то право я бы и не подумала жить в городе, но чтобы с нами ни случилось, мы должны пецись о их воспитании...“¹

„Я чувствовала и предвидела, что Паша и Митя при моих занятиях на фабрике могли погибнуть нравственно и укоризна совести преследовала бы меня в дни бесприютной старости“ (25 августа 1839 г.).¹

Как самый младший в семье, Митя рос между взрослыми и рано развивался. Ближайший к нему по возрасту брат Паша был на два года старше, но благодаря своим исключительным способностям Митенька не отставал от брата в развитии. Когда Пашу начали учить, он учился вместе с ним и в 5½ лет уже умел читать и писать.

10 июня 1839 г. Мария Дмитриевна пишет Катеньке:

„Благодарю и милого Сенечку за письмецо к Паше и Мите. Они не успели приготовить ответов, потому что я брала их с собою в Аремзянку, где я совершенно не имела времени заниматься ими, и они только следовали за мной всюду... Мои Паша и Митя утешают меня своими успехами...“

¹ Каустиана-Губкина. Семейная хроника..., стр. 20, 24, 29, 40, 43.

Уже в раннем детстве Митя обнаруживал острую память и хорошие математические способности.

Екатерина Ивановна Капустина рассказывала, что, когда она была уже замужем и жила в Омске, Мария Дмитриевна приезжала к ним погостить с шестилетним тогда Дмитрием Ивановичем. Занимая ребенка, Екатерина Ивановна играла с ним иногда в модную тогда игру в карты „тинтере“ или „палки“, где главную роль играл счет, и маленький Митя всегда обыгрывал свою замужнюю сестру.

В 1839 г., по переезде из Аремзянки в Тобольск, Пашу и Митю начали готовить в гимназию. Для этого был приглашен учитель уездного училища Стахий Степанович, но Мария Дмитриевна и сама занималась с сыновьями.

4 августа 1839 г. она пишет Капустиным:

„Окруженная моими детьми, я посвящаю им остаток жизни моей, ведь мне уже 50 лет, и считаю себя счастливою, что в настоящем положении могу исполнить мои обязанности в отношении нравственного образования младших сыновей моих, Паши и Мити. Мой день проходит приятно, в тишине, при учении сыновей. Утро до прихода учителя начинается повторением заданного, в 11-м часу приходит Стахий Степанович, в первом оканчивается класс. После обеда я сама занимаюсь с ними до 5 часов. Напившись чаю, всегда почти вечером, есть-ли у нас никого нет, все мы едем в коляске прокатиться, и проведя таким образом день, я довольна, не желая и не заботясь о визитных знакомствах. Теперь я у всех должна быть, чтобы поддерживать те знакомства, которые имею, но признаюсь, что для меня тягостно ныне выезжать в гости. Какое-то предчувствие говорит мне, что я должна приготовить себя к перенесению переворота в жизни. Есть-ли Ивану Павловичу откажут на просьбу его вступить в службу, мы должны остаться только с тысячью рублями верного дохода, следовательно не иметь ни лошадей, ни прислуги, чтобы существовать с нашей семьей, а в таком положении уже неуместны визитные знакомства, и потому-то я, со дня переезда моего в город, уединение и домашний покой избрала моим образом жизни. До сего времени держу еще при доме лишних служащих потому, что у нас семь лошадей, семь коров и вся птица в доме. На фабрике без меня пало 7 наших рабочих лошадей и оставшихся я взяла в город, чтобы не замучили. Я уже не то, чем была, и не могу быть более полезно моему семейству тою деятельностью, которая доставляла ему все способы физического существования: зрение и память изменили мне. С лучшими друзьями жизни моей — книгами, — рассталась, кажется, навсегда. Пером владею еще, но владею для того только, чтобы передавать милым сердцу чувства души. Не думайте однако же, чтобы я предавалась горести в настоящем моем положении. Напротив, с твердою верою я спокойно несу крест мой, умоляя бога, чтобы показал мне путь, по коему должна идти“.

В то же время (11 августа) Полянька пишет:

„Здоровье маменьки очень слабо. Она часто занимается с детьми, которые по их летам учатся очень хорошо. Учитель очень хороший и, главное, не потакает им“.

А Мария Ивановна вспоминала, что в эти годы любимой игрой Митеньки была игра в учителя, и в этой роли он был очень строг: неисправных учеников ставил на колени.

1 августа 1841 г., т. е. всего семи с половиною лет, он вместе с Пашей поступил в первый класс Тобольской гимназии.

Вот что сам он говорил по этому поводу:¹

„По особым причинам кончил я семилетний курс в Тобольске, имея всего 15 лет. В большой семье я был последышем и развился поэтому рано. Старший брат Иван Иванович был уже давно в гимназии, а другой брат мой (Павел Иванович), на два года старше меня, приготовился 9-ти лет поступить в 1-й класс. По пути с ним учили и меня, так что 7-ми лет я уже был готов к поступлению. Чтобы не разбаловался, оставаясь дома один, упросили принять меня вместе с братом. Но так как принимать, да и то в исключительных случаях, дозволялось только с 8 лет (а мне было 7), то меня приняли, но с условием, чтобы в 1-м классе я пробыл непременно 2 года. Учился я тогда, кажется, не худо, но по малолетству так и остался в 1-м классе на два года. Переходил затем без задержек, и кончил 15-ти лет“.

Благодаря оставлению на второй год в 1-м классе, Митя отстал на год от Паши.

Устроив сыновей в гимназию, Мария Дмитриевна продолжала следить за их занятиями, беспокоилась об их успехах, особенно во время экзаменов, зорко следила за их поведением.

„Я должна ещё бодрствовать, чтобы воспитать Пашу и Митю — писала она в августе 1844 г. — Они еще имеют нужду в материнских попечениях и заботах“.

В июне 1847 г., по просьбе Капустиных, Мария Дмитриевна устроила поездку Ивана Павловича и Паши в Омск, а сама осталась с Митей дома. У нее гостила Оленька с мужем.

5 августа она пишет Капустиным:

„Благодарю за родную любовь и ласки, оказанные Пашиньке. Он в восхищении от Омска и беспрестанно толкует о вас и Карле Казимировиче.² Благодарю и Карла Казимировича и любезнейшую Екатерину Яковлевну за снисходительное внимание к мальчику, который по своему умеет чувствовать и можно полагать навсегда сохранит в памяти первую поездку его за 600 верст от места родины.“

¹ Д. Менделеев. Заметки о народном просвещении в России, стр. 61.

² Карл Казимирович Гутковский, муж Екатерины Яковлевны, дочери Я. С. Капустина от первого брака.

„С отъездом Олинки вдруг сделалась такая пустота, что я испугалась моего одиночества и спешила рассеять себя неутомимыми занятиями. Вот почему два раза уезжала я на сенокос с Митею (ему было 13½ лет) и ночевала там в балагане; вот почему с утра и до вечера хлопочу, чтобы не предаваться грусти“.

Эта поездка Пашеньки в Омск, повидимому, решила его судьбу. В 1848 г. он, кончив курс гимназии, уехал в Омск на службу и жил у Капустинных, а Митю в 1849 г. Мария Дмитриевна увезла из Тобольска, чтобы дать ему высшее образование. Так разошлись дороги двух братьев, но до конца жизни они остались друзьями, и младший всеми силами поддерживал старшего.